

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Барнаульский государственный педагогический университет»
Лаборатория исторического краеведения

Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае

*Археология,
этнография,
устная история*

Выпуск 2

Материалы
II региональной научно-практической конференции
1–2 декабря 2005 г.

Барнаул, 2006

2. Липинская В. А. Поселения, жилище и одежда русского населения Алтайского края // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969.

Г. В. Кидяева

События и интерпретация в устных источниках: по материалам историко-этнографической экспедиции 2005 г.

Сбор и первичная обработка устных исторических источников в ходе экспедиционных исследований в Шелаболихинском районе 1–14 июля 2005 г. позволяет обратиться как к характерным особенностям локальной истории, так и ее интерпретации сельскими жителями (крестьянства). Эта работа является частью большого проекта по устной истории лаборатории исторического краеведения и кафедры отечественной истории БГПУ [1]. В терминологии современной отечественной науки концептуальной основой изучения локальной истории является «история снизу», то есть взгляд участников и очевидцев событий, а основным направлением — «история внизу». Последнее включает и интерпретацию событий локального уровня [2].

В ходе ИЭЭ было обследовано 21 село, проведено 257 интервью. Каждое интервью представляет собой устные свидетельства о прошлом. Комплектование фонда устных исторических источников полевого сезона определялось темой «Приобские села». Достаточно широкая тематическая заданность позволяет обратиться к характерным особенностям исторического развития изучаемой территории, специфике событийной истории на локальном уровне. При этом особое значение имеет не только фактическая сторона устных источников, но и интерпретация самого прошлого информаторами. Один из основателей школы устных историков в Италии А. Портелли отмечал: «Особенность устных источников заключается в том, что они доносят до нас информацию не столько о самих событиях прошлого, сколько о смысле этих событий» [3]. Обширность тематики исследований и многофункциональность устных источников не позволяет представить весь спектр устноисторического изучения локальной истории, поэтому остановимся на некоторых ведущих тематических направлениях и на наиболее характерных интерпретациях исторического прошлого информаторами.

Возникший еще в 1990-е гг. интерес к локальной истории со стороны местных краеведов и популяризация краеведческих знаний оказывали непосредственное влияние на работу с информаторами¹. Обращение к

¹ Популяризация краеведческих знаний осуществляется через районную газету «Знамя советов», выступления любителей истории на Днях села, а также через реализацию регионального компонента на уроках истории в школах района с использо-

устным свидетельствам, как методу сбора информации характерно для краеведов. Поэтому при обработке устных источников необходимо учитывать степень развития в районе общественного краеведения и тематическое соприкосновение исследований экспедиционной группы и местных краеведов. Для составления биобиблиографического указателя участниками экспедиции были опрошены шесть краеведов: Л. П. Горевачев (с. Крутишка), А. И. Болотина (с. Быково), П. Я. Елисеев (с. Ильинка), В. А. Щербаков (с. Верх-Кучук), В. А. Гостеев и И. А. Ромашов (с. Шелаболиха). В селах, где работали и продолжают работать местные краеведы, пришлось столкнуться с типичной повторяемостью интерпретаций прошлого. Тем не менее достаточно свободный тематический дискурс и материалы углубленных автобиографических интервью позволяют, во-первых, обозначить ряд характерных особенностей, присущих историческому развитию района (в нашем случае это анализ событийной стороны устных источников) и, во-вторых, представить интерпретацию исторического прошлого, то есть обратиться к особенностям толкования прошлого, его смысла, иначе — эмпирической составляющей устных источников. Приведены интерпретации, базирующиеся на широком привлечении устных источников, собранных в одном селе, то есть от представителей территориально однородного социума, либо наиболее часто встречающиеся в районе.

Шелаболихинский район в современных административных границах, с незначительными изменениями 1960-х гг., был образован в 1924 г. Район расположен на севере Алтайского края и граничит с Новосибирской областью по правобережью Оби. Из 21 населенного пункта в настоящее время на правобережье расположено только один — с. Иня. Район изобилует водными источниками: здесь протекают реки Обь, Крутишка, Кучук, Иня, Шелаболиха; расположены озера Чайкино, Митино, Титово, Кишкино. Преобладание дерновых почв и заливных лугов благоприятствовало развитию земледелия и скотоводства. Природный фактор в процессе селообразования являлся одним из ведущих.

Селообразование. Событийная история. По истории сельских населенных пунктов собрано 72 интервью, включающих историю исчезнувших населенных пунктов (21 интервью). Среди последних — с. Молоково, с. Первомайское, пос. Ширпотреб, с. Бельково и др. Доминирующими являются интервью о многодворных населенных пунктах.

Зона обследования благодаря плодородным почвам, благоприятным условиям для скотоводства, относительной безопасности от нападения

ванием тематического сборника «Из истории населенных мест Шелаболихинского района» (Барнаул, 1998).

кочевников привлекала переселенцев уже в XVIII в. Из 21 населенного пункта, существующего в настоящее время, 10 возникли в XVIII в.¹, села Верх-Кучук и Быково — в первой трети XIX в.; в период столыпинских переселений были образованы села Луговое, Сибирка, пос. Малиновка. Пять сел на территории района возникли в годы нэпа² и только одно село из существующих в настоящее время появилось в годы коллективизации — Чайкино (1933 г.). Большинство сел левобережья Оби сейчас связаны автотрассой Барнаул — Камень-на-Оби (Шелаболиха, Батурово, Крутишка) либо внутрирайонной автомагистралью Ильинка — Омутское — Киприно. Размещение сельских населенных пунктов в наши дни отражает два типа селообразования: приречный и притрактный. В воспоминаниях информаторов отчетливо прослеживается связь населенных пунктов в начале прошлого столетия с «Деминским трактом»³.

Интерпретации. Составной частью собранных устных рассказов о прошлом села являются бытующие легенды двух уровней: по истории заселения Сибири, сел и происхождению названий последних. В легендах о заселении Сибири отчетливо выделяются две наиболее распространенные. Первая повествует о добровольном характере заселения Сибири в два этапа: ранний, когда регион заселили чалдоны, и поздний — переселение «расейских». Вторая распространенная легенда говорит о принудительном заселении региона: Сибирь предстает местом каторги и ссылки, а первопоселенцы — ссыльными⁴. Третий вид собранных легенд представляет сугубо индивидуальный взгляд информаторов на историю заселения Сибири. По одной из них, «ссылали сюда, в тайгу, ученых, богатых. Ленин, поди, в ссылке был здесь тоже?» [4]. Среди других первопоселенцы в Сибири — это «хорошие люди»: декабристы, завоеватели, пришедшие с Ермаком и осевшие здесь.

В легендах о происхождении названий сел ввиду обилия водных источников этимологическая привязка осуществляется к гидронимам. От названий рек и озер, в интерпретации информаторов, названы Шелаболиха, Новобинцево, Иня, Кучук, Верх-Кучук, Крутишка, Чайкино. В других случаях названия связываются с водными источниками косвенно. К примеру, названия «Чайкино» объясняют обилием чаек на некогда бе-

¹ Иня, Ильинка, Кучук, Новообинцево, Киприно, Шелаболиха, Селезнево, Омутское, Батурово, Магарово.

² Сакмарино, Ивановка, Подгорное, Новоселовка, Крутишка.

³ Деминский тракт — предположительно, так называли часть Демидовской дороги.

⁴ Следует обратить внимание на интерпретацию категорий «ссыльных» и «высланных». Под «ссыльными» информаторы подразумевают поселившихся в Сибири периода имперской России, а под «высланными» — депортированных в канун и в годы Великой Отечественной войны.

Дом, перевезенный из исчезнувшего села Молокова. Ранее был двухэтажным. С. Быково, 2005 г.

зымянном озере, «Селезнево» — от диких уток, «Омутское» — от труднопроходимых окрестностей, «Крутишка» — от обрывистых берегов на одноименной реке. Название «Веселая грива» основано на противопоставлении местностей, где «грива» — сухое место на часто затопляемой территории. Интересно, что с. Сакмарино до сих пор называют «Японией», а жителей — японцами.

Вторым видом легенд о происхождении названий сел являются рассказы о первопоселенцах, характерные для старожильческих сел: Макарово, Селезнево, Быково, Бельково и др. Уникальны немногочисленные свидетельства о происхождении названий сел, в основе которых лежат тюркские слова, — Кучук, Батурово. В интерпретации информаторов, названия происходят от стоянок кочевых народов, воинственных ханов Кучука и Батура [5].

Событийная история. Свыше 20 интервью собрано по селообразованию в 1920-е гг., о малодворных населенных пунктах (заимках, хуторах, выселках и др.) Из 126 населенных пунктов, в разное время образованных на территории района, половина возникла в 1921–1928 гг. (63 сельских поселения). Населенные пункты возникали вблизи многодворных поселений изобилующих водными источниками. Крестьянская инициатива в селообразовании рассматриваемого периода характерна преимущественно для западной и центральной части левобережья Оби. В центральной части района, вблизи сел Кучук, Сибирка возникли хутора Кучукский (основатель Чураев), Сибирский (основатель Власов), ху-

тор М. М. Пругова [6]. Второй зоной крестьянской колонизации являлось правобережье Оби: здесь в 1920-е гг. возникли выс. Луговой, пос. Покровский и др. Поблизости от Шелаболихи были образованы поселки Михайловский, Веселенький, Тихий Исток и др.

Свыше 15 интервью собрано по истории хуторов и заимок, отражающей специфику хозяйствования. В северо-западной части района малодворные поселения характеризовались скотоводческой направленностью, в южной – зерновой, на правобережье преобладал смешанный характер производства – скотоводческий и промысловый. Такое отчетливое содержание устных источников объясняется близостью расположения новых населенных пунктов к многодворным поселениям и хозяйственными контактами. Информаторы отмечают, что из сел Кучук, Сибирка в рядом расположенные пос. Маковский, хутор Чураева на выс. Морозы и др. из окрестных сел уходили на работы внаем, в батрачество.

По истории коммун проинтервьюировано 7 человек. Коммунарское движение по собранным источникам характеризуется государственной инициативой, не получившей на обследуемой территории широкого распространения. В годы нэпа здесь возникло всего три коммуны: «Венера», «Венера № 2», «Беднота, вперед». Очевидными причинами слабого распространения коммунарского движения являются хозяйственная состоятельность крестьянства и взаимообусловленность экономического существования крайних групп крестьянства – «бедняков» и «зажиточных».

Интерпретации. Информаторы объясняют массовое возникновение заимок, хуторов и выселок землеустройством, желанием получить «свою» землю. Коммунарское движение и в настоящее время у информаторов вызывает недоумение. Устные источники показывают, что в 1920-е гг. сохранялись такие традиции хозяйствования, как аренда, «помочь», работы «исполу». Поэтому неудивительно, что обобществление и коллективный труд в коммунах не нашли поддержки у крестьянства. Особого внимания заслуживает отношение к труду в коммунах, которым информаторы объясняют недолговечность последних. Отчетливы воспоминания о трудовом распорядке в коммунах «Венера», «Беднота, вперед». Здесь работали с утра в течение нескольких часов, затем коммунарики шли на обед, сопровождавшийся установленным сном, полдничали и далее выходили на работу на несколько часов. Как метко заметил один из информаторов: «Ну разве в деревне так работают?» [7].

Событийная история. Первый этап коллективизации, 1928–1929 гг., являлся временем массового исчезновения малодворных поселений. Из образованных в годы нэпа 72 населенных пунктов в 1928 г. исчезло 21

Месторасположение усадеб исчезнувшего села Бельково. 2005 г.

малодворное поселение, в 1929 г. — 5 поселений. Ликвидация таких населенных пунктов не носила принудительного характера. Напротив, поселения «самоликвидировались» ввиду дифференцированного поимущественного обложения крестьян-единоличников. Коллективизация и ее влияние на развитие сети сельских населенных пунктов в период ее массовости имела опосредованное влияние.

С конца 1920-х гг. отмечается процесс уплотнения многодворных поселений. Первые коллективные хозяйства возникали в различных частях села, и не желающие вступать в колхоз переселялись к единоличникам. На территории с. Кучук одна из первых артелей возникла на правом берегу одноименной реки, в ныне исчезнувшем Молокове, в пределах землепользования крестьян-единоличников, проживавших на окраине села. В с. Крутишка первые колхозы образовывались на левобережье реки, и, как отмечают информаторы, «на вятяцких землях». Образование коллективных хозяйств на территории существующих сел и в пределах землепользования единоличников объясняется ускоренными темпами коллективизации, поскольку район вошел в зону зернового хозяйственного направления. Сами 1930-е гг. не стали в районе временем интенсивного создания коллективных хозяйств.

Интерпретации. Всего по истории коллективизации собрано 62 интервью, по истории трудовых будней в артелях — 24. Информаторы, отмечая вблизи старожильческих поселений наличие хуторских и заимочных хозяйств, как правило, не объясняют причины их исчезновения. Действительно, возникшие во второй половине 1920-х гг. (чаще всего в

1925, 1926 гг.), такие поселения в среднем просуществовали всего 2–3 года. Но характерными в интерпретациях являются сюжеты о миграциях заимочников и хуторян. Коллективизация в интерпретации информаторов оценивается как насильственное явление, характеризующее произвол властей. На вопрос «Для чего создавали колхозы?» наиболее распространенным ответом был: «Издевались, да и все» [8].

Событийная история. В дальнейшем процесс государственной инициативы в селообразовании характерен преимущественно для Правобережья. Первый этап вызван промышленным освоением лесных ресурсов с 1939 г. и в дальнейшем работой на лесосплаве и лесозаготовках в порядке всеобщей трудовой повинности в годы Великой Отечественной войны. В 1947 г. ввиду промышленной значимости населенным пунктам присваивается официальный статус, что ознаменовало новый этап в развитии сельских поселений. Интенсивная вырубка лесов и первичная переработка древесины в 1950-е гг. на Правобережье стали причиной появления новых населенных пунктов, среди которых поселки Ремы, Гавриловичи, Кривоглазово, Лукьяново, Северный и др.

Ведущей составляющей в тематическом сборе устных источников по селообразованию является изучение исчезнувших населенных пунктов. Как уже говорилось, первый этап сокращения количества сел пришелся на 1928–1929 гг., когда отмечалось массовое исчезновение малодворных поселений по обеим сторонам Оби. В дальнейшем процесс укрупнения сел вплоть до 1970-х гг. был характерен только для левобережной территории, причем исчезали села, которые не примыкали к трассе Каменьна-Оби – Барнаул либо внутрирайонной автомагистрали Киприно – Селезнево – Омутское. С отменой проектируемого строительства ГЭС ликвидация неперспективных населенных пунктов стала характерна и для правобережья. Исчезнувшие села располагались на территории, вошедшей в зону не только стихийной крестьянской колонизации, но и аграрно-промышленного освоения. На правобережье было ликвидировано 31 сельское поселение, среди которых преобладали села, изначально образованные как временные. По левобережью во второй половине XX столетия исчезли старожильческие населенные пункты.

Интерпретации. Устные свидетельства об исчезнувших селах собирались от информаторов, проживающих в настоящее время в селах, на базе которых либо проходило укрупнение, либо в расположенных поблизости от ликвидируемых. К примеру, устные источники по истории с. Молоково (прежнее название с. Богатское) собраны в с. Крутишка, с. Бельково в с. Быково, об исчезнувших на правобережье собирались от информаторов из с. Иня. Исключительно негативные оценки процессам

укрупнения и ликвидации неперспективных сел даются информаторами для левобережных поселений. В основе таких оценок лежит принудительный характер сселения, закрытия школ, ФАПов, магазинов, прекращение транспортного сообщения между населенными пунктами. Подчеркивая вынужденный характер миграции, трудности, связанные с переездом, переносом жилых построек, информаторы с сожалением вспоминают о селах, где жили предки, где родились и выросли они сами: Бельково, Богатское... Характерным для интерпретации государственной политики являются непонимание смысла ликвидации сел. Напротив, для правобережных сел осмысление процессов ликвидации привязывается к несостоявшемуся строительству ГЭС, ликвидации неперспективных сел [9]. Принудительный характер менее выражен.

Экономический облик сел в первой трети XX в. Событийная история. Если природные условия благоприятствовали развитию сельского хозяйства, то особенность географического положения сел — размещение их вдоль Оби, которая была в начале столетия ведущей транспортной артерией, — способствовала развитию торговли, домашней кустарной промышленности, предпринимательства. Уже в начале столетия эта территория оказалась зоной товарного производства. Его развитие объясняется близостью рынков сбыта. Район расположен между двумя городскими центрами — Камнем-на-Оби и Барнаулом, с которыми экономически была связана пристань в Шелаболихе. К последней тяготело аграрное производство в левобережных селах и смешанное — на территории правобережья. Информаторы отмечают, кроме существующих и бывших в ныне исчезнувших селах Молоково, Старообинцево, Медяниха, наличие нескольких торговых лавок, магазинов, мельниц; в Шелаболихе упоминают мельницу предпринимателя Лобастова, на которой было занято до 100 чел., и принадлежавшие ему магазины. В Шелаболихе отчетливы воспоминания о Чупине — владельце пароходов, Колпакове — торговом предпринимателе. Семейный характер торгового предпринимательства отмечается в с. Сибирка и других населенных пунктах [10].

Для приобских сел была характерна специализация торговли. В селах Молоково, Макарово была распространена винная торговля, мануфактурные лавки располагались в Молоково, Киприно, Селезнево, Ильинке, Макарово. Промысловая деятельность на левобережье была менее распространена, но выделяются села со специализацией кустарного овчинного производства (Батурово, Кучук), кожевенного (Быково). Широкое распространение в приобских селах получило и маслоделие.

Мельница Лобастова. С. Шелаболиха. 2005 г.

Развитие предпринимательства нашло выражение и в архитектурном облике сел. «Купеческая архитектура», наличие двухэтажных домов и совмещение промышленного и жилого комплекса в первой трети прошлого столетия были достаточно распространенным явлением. В исчезнувшем Молоково отмечается до шести таких домов, в Сибирке — четыре. В Шелаболихе, как отмечают информаторы, сам Лобастов не проживал, но у приказчика двухэтажный жилой дом примыкал к мельнице и рядом расположенным магазинам.

Репрессии. Событийная история. В изучении репрессивной политики большую часть устных источников составляют материалы о раскулачивании (47 интервью). Приоритетность данной темы определяется тем, что Шелаболиха являлась накопительным пунктом при транспортировке раскулаченных. Достаточно высокая хозяйственная состоятельность крестьянства обследуемой территории, развитие предпринимательства обусловили протестное движение в 1930–1933 гг. Одна из особенностей района заключается в преемственности форм протестного движения. Если в канун массовой коллективизации крестьянство стремилось к самораскулачиванию в форме активных миграций в восточном направлении, то единовременное прикрепление к колхозам зимой 1929–1930 гг. обусловило практику сокрытия имущества — продукции сельского хозяйства и предметов домашнего обихода. В первом случае протест вызывали усиленное налогообложение и кампания по изъятию

«хлебных излишков», тогда как во втором — раскулачивание и желание обеспечить самым необходимым семью при высылке.

Распространенными являются свидетельства о том, как предметы детской и женской одежды оборачивали платками под видом кукол и при описи имущества отдавали детям. Демонстрация игры с псевдокуклами, как отмечают информаторы, позволяла сохранить предметы одежды после раскулачивания.

Уникальные устные источники собраны по процедуре раскулачивания. Они демонстрируют не только традиционную стихийность, произвол в действиях местных властей, но и прямые нарушения законодательной базы о раскулачивании. Конфискованное имущество после составления описи должно было зачисляться в колхозный фонд. Однако отчетливо фиксируется практика распродажи имущества «кулаков» с торгов. Как отмечают сами информаторы, торги проходили в форме аукциона, на них присутствовали и сами раскулаченные. Если выставаемая на продажу вещь не находила покупателя, ее зачисляли в колхозный фонд.

Годы коллективизации отразились и на архитектурном облике сел. Все образцы «купеческой архитектуры» разбирались и перевозились в крупные населенные пункты. Как отмечают информаторы, уже к середине 1930-х гг. двухэтажных построек в селах не сохранилось.

По периоду «большого террора» 1937–1938 гг. собрано свыше 20 интервью. Особый интерес представляют источники, раскрывающие систему доноительства, «добрососедских» отношений, поведение работников НКВД и представителей выездных «троек» в селах. Нами не зафиксировано случаев веры во «вредительство», «шпионаж» и прочие характерные обвинения. В интерпретации информаторов «враги народа» — это те, на кого указывали доносители. Причем доноительство не осуждается, а объясняется необходимостью борьбы за выживание.

По истории депортации опрошено 23 информатора. Особенность депортации заключалась в размещении репрессированных. Традиционное для Алтайского края размещение их в новообразованных селах характерно только для правобережья. На левобережье Оби депортированных размещали в селах, располагавших удобными средствами сообщения.

Села в годы Гражданской войны. По истории Гражданской войны собрано 17 интервью. Фактическая сторона в устных источниках отражает специфику преломления региональных событий в приобских селах. Современная территория района не являлась зоной активных боевых действий, судоходная Обь в годы войны контролировалась «белыми», и возникновение здесь оппозиционного движения сводилась к ми-

Иван Андреевич Ромашов,
один из информаторов. 2005 г.

нимуму. Вместе с тем район находился на стыке действия партизанских отрядов Степного Алтая — Е. М. Мамонтова и И. В. Громова, а центром ближайшего партизанского движения являлась Усть-Мосиха Ребрихинского района. Поэтому партизанские отряды действовали в близлежащем селе Макарово, но дальше, к Ивановке, не продвинулись из-за труднопроходимых окрестностей. В воспоминаниях отчетливо прослеживается только деятельность кара-

тельных отрядов враждующих сторон. Характерной формой избегания мобилизаций и террора являлся уход в степную зону, что, по словам информаторов, спасало от преследований.

Устные источники не зафиксировали четкого деления враждующих сторон на «красных» и «белых», но отражают противопоставление «колчаковцев» и «расейского фронта». Воспоминания о массовом характере противостоящих сторон объясняются начальным и завершающим этапами периода Гражданской войны. Из Камня через Шелаболиху по Оби в июне 1918 г. наступали белогвардейцы, а в декабре 1919 г. строевым порядком на Барнаул двигались красноармейцы.

В целом фактическая сторона устных источников позволяет локализовать проблемное изучение исторического прошлого. «История внизу» и интерпретация событий при аналитическом изучении раскрывает как самобытность прошлого крестьянской России, так и особенности реализации государственной политики на локальном уровне.

Литература и источники

1. Щеглова Т. К. Историческое наследие Алтая: формы и методы изучения и сохранения (из опыта работы) // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX — нач. XX вв.): Материалы междунаrod. конф. / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2002. С. 197–202.
2. Щеглова Т. К. Устная история как источник исследования сибирской деревни // Сибирская деревня: Проблемы истории: Сб. науч. тр. / Под ред член.-кор. РАН В. А. Ла-

- мина. Новосибирск. гос. ун-т, 2004. С. 142–154; Щеглова Т. К. Устная история как источник и метод исследования сибирской деревни XX столетия // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Ч. I. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2004. С. 23–24.
3. Портелли А. Особенности устной истории // Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 39.
 4. Полевой дневник автора. Записано от Лобановой Ф. П., 1917 г. р., с. Крутишка.
 5. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Аннотации к аудиокассетам сел Шелаболиха, Кучук, Сибирка, Батурово.
 6. Полевой дневник автора. Записано от Пругова А. П., 1917 г. р., с. Кучук.
 7. Полевой дневник автора. Записано от Романова В. А., 1936 г. р., с. Крутишка.
 8. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Тетради-картотеки сел Киприно, Ильинка, Кучук, Шелаболиха, Иня.
 9. Полевой дневник Н. С. Грибановой.
 10. Архив ЛИК БГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2005 г. Тетради-картотеки сел Шелаболиха, Иня, Крутишка, Ивановка, Киприно, Макарово.

И. В. Куприянова

Ремесла и промыслы Ельцовского района

Промыслы населенных пунктов Ельцовского района, в которых велись этнографические исследования в 2004 г., можно подразделить на две группы, одна из которых связана с обработкой природного сырья, вторая — с обработкой продуктов животноводства. Все они поставляли кустарную продукцию на местный рынок, удовлетворяя потребности населения в хозяйственной утвари, посуде, домотканине, обуви и др. Упоминаний об охоте и рыболовстве как подсобных видах деятельности мало. Старожилы утверждают, что ими занимались редкие любители — 5–6 человек из всего населения деревни, да и то не русские, а татары.

Обработка природного сырья

Деревянная утварь. Повсеместно в исследованных селах встречаются упоминания о резных прялках, которые, судя по описаниям, несколько отличаются от традиционных прялок Алтая: здесь они не были покрыты росписью, не делали и простых гладких прялок. Края лопаски отделявали резными зубчиками, а в центре выжигали узоры — как правило, цветы. Таким образом, старожилы утверждают, что прялки были одновременно резные и обожженные. Роспись использовали в декоре веретен, которые раскрашивали разноцветными полосками.

Резьбой украшали также посудные подвесные настенные деревянные шкафы, которые затем красили черно-коричневой краской.